

Николко М.В.

ОБОСНОВАНИЕ ВЛАСТИ: РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

История XX века завершилась в 1991 году всплеском революций, повлекшим за собой передел политической карты мира. Насыщенность революциями – одна из важнейших характеристик двадцатого столетия. Никогда ранее такое большое количество людей не участвовало в изменении политических систем. Огромные территории были вовлечены в революционный процесс. Волна политических изменений прокатилась по всему земному шару. Механизмы протекания революций, несмотря на значительные территориальные и временные расстояния, всюду были похожими.

Обоснование новой власти происходит каждый раз по-разному, однако можно утверждать, что успешная легитимация победившей в ходе революции новой элиты зависит от того, к какой социальной группе она обратится за поддержкой, какие политические институты будут сохранены, а какие изменены или упразднены. Проблема выхода на политическую сцену новой группы, взаимодействия ее со старыми государственными институтами и свергнутой политической элитой представляет большой интерес для ученых. В ходе данного исследования мы попытаемся выяснить: какие процессы и социальные институты представляют наибольшее значение для легитимации нового строя.

Легитимность - не есть свойство самого социального порядка, а представления, которые имеют о социальном устройстве рядовые граждане [2, с. 56]. Представления о власти в обыденном сознании не обязательно сформулированы вербально, это могут быть наборы образов, карикатуры, песни, анекдоты или словесные клише известных журналистов. Представления отражаются и в повседневной деятельности граждан.

Интересно, что большое количество легализованных сатирических программ и печатной продукции, направленной против власти, свидетельствует о достаточно высоком уровне легитимности государственного института. Дело в том, что сатирическая продукция отражает рейтинг конкретного политика, т.е. степень доверия избирателей к личности, демонстрируя подсознательно принятую незыблемость государственного института (мы не смеемся, когда нам страшно). С другой стороны, значительное увеличение количества анекдотов, куплетов, листовок, высмеивающих власть, сигнализирует об утрате связи общества с властью. Резкая политическая сатира демонстрирует разрыв идентификационной нити, связывающей обывателя с политическим лидером. Власть замыкается в себе, отчуждается от общества, требования социальных групп игнорируются. Система правосудия не успевает легализовать действия власти и сама оказывается вне легитимного поля (поддержки общества).

Реально неприятие власти осуществляется в деятельности людей, в первую очередь - в количестве правонарушений, совершаемых в стране. Таким образом, если в государстве совершается много уголовных и экономических преступлений, забастовок, митингов протеста, общественное мнение пребывает в беспокойстве, то можно говорить о низкой степени легитимности власти. Уровень легитимности строя проявляется и в отношении соседних государств и мировых сообществ к внутренним делам страны.

Пожалуй, наименее изученной проблемой является такой показатель низкой легитимности, как **коррупционность власти**. Когда во власть открывается доступ криминальным структурам и подобное движение происходит на всех уровнях власти - как в районном масштабе, так и в масштабе правительства, - можно говорить о неспособности власти контролировать происходящее в стране.

Предреволюционная ситуация предполагает низкую легитимность власти, и это проявляется в том, что правительство вынуждено постоянно прибегать к использованию служб безопасности и армии. Контроль над СМИ и давление на них возрастает, пропорционально наблюдается рост антиправительственной печатной продукции, выступлений, митингов, эмиграции интеллектуалов. Потребность демократического действия опережает процесс создания законодательной базы для этого действия.

Общая причина утраты легитимности старой власти коренится в способах, посредством которых различные общества регулируют кризис **“выхода на политическую арену”**, т.е. принимают решение о том, на каком этапе новые социальные группы получают доступ к политическому процессу. Когда новые объединения становятся политически активными, предоставление легкого доступа к законным политическим институтам обычно обеспечивает лояльное отношение таких новых групп к политической системе, а они, в свою очередь, позволяют старым господствующим стратам сохранить свой статус. Политические системы, закрывающие новым стратам доступ к власти любым иным путем, кроме революции, тем самым ставят легитимность строя как такового под угрозу. Подобная позиция чревата тем, что уничтожается идентификационная связь действующей политической элиты с социальными группами, а надежды на лучшее будущее связываются уже с другими политическими лидерами. Автоматически возрастает цена политического участия для групп, стремящихся к власти (неоправданное желание достичь власти заставляет революционеров идти на большие жертвы). Появившиеся в результате

революции режимы натываются на сопротивление свергнутой элиты.

Новая элита, поддерживаемая вначале только одним (даже если и значительным) стратом населения, должна срочно заручиться поддержкой, быть признанной другими слоями общества, в том числе и в страте свергнутых. Допустим, свергнутая элита лишилась как материальных, так и моральных прерогатив, тогда она будет находиться в жесткой оппозиции к новой элите. Последняя должна будет уничтожить старую элиту физически, ибо только в таком случае не будет противостояния. Но такие действия могут привести к террору и гражданской войне. Для повышения уровня легитимности молодого строя необходимо часть отстраненной элиты привлечь на свою сторону, сохранив частично ее прерогативы, т.к. для успешности руководства должна **осуществляться преемственность элит**. В ходе перемен утрачивая легитимность политическая элита отстраняется от власти, но не изгоняется или уничтожается, а на некоторое время уходит в тень. Привилегии, собственность, некоторое влияние остаются у свергнутых, за это они обеспечивают поддержку новой политической верхушки. Преемственность элит не нарушается, традиция продолжается. Таким образом, правление новой элиты подкреплено временем, в непрерывной цепи предыдущих правителей она обретает легитимность. Кроме этого, если революция не ставит своей целью таких кардинальных мер, как ликвидацию частной собственности и полную экспроприацию, то сотрудничество со свергнутой элитой просто необходимо. Препятствовать вывозу крупных капиталов из страны, демонстрировать гарантии кредитования нового строя международными фондами возможно только при поддержке отстраненных от власти в результате революции авторитетных лидеров.

Другим естественным препятствием в ходе легитимации является то, что не все главные группы в обществе получают доступ к политической системе в переходный период, во всяком случае, как только выдвинут свои требования. Для приобретения легитимности новая система должна оправдать **экспекции главных групп общества**. Существующая в дореволюционное время оппозиция объединяет в себе партии и движения с различными социальными целями. Но консолидирующий принцип противостояния власти перестает быть таковым, как только повергнута властвующая элита. У руля управления страной оказывается один из недавних оппозиционеров, начинается жестокая борьба за власть. Зачастую намечается раскол в лагере победителей, новая элита распадается на два отряда: тех, кто выступает за радикальное проведение реформ, полное уничтожение предыдущего строя (“непримиримые”), и тех, кто предлагает сохранить часть социальных институтов, сотрудничать со свергнутой элитой (“конформисты”).

Анализируя исторические драмы революций, мы можем говорить, что многие из них “захлебнулись в крови” собственного народа именно из-за того, что верхушка старалась **ускорить период легитимации** нового строя, т.е. если внутреннюю борьбу выигрывало крыло “непримиримых”. Жестокие репрессии и последующая диктатура никак не согласовывались с провозглашенными ранее идеями общественного блага. Более того, революция состоится, только если через некоторое время последует **реставрация**, которая сгладит резкий переход и подготовит общественное сознание для восприятия новых ценностей и норм [3, с.11]. Реставрация – это вовсе не тотальное возвращение к предыдущему строю. Зачастую реставрация дает возможность наладить нормальное функционирование экономики. Разрушение привычных идентификационных связей, экономические тяготы первых лет и как результат этого - идеализация прошлого, воссоздание мифа о “золотом веке” актуализируются через желание некоторых социальных групп вернуться к прошлому социальному порядку. Длительность и интенсивность реставрации зависит в первую очередь от эффективности нового строя, тем не менее, она выступает как обязательный элемент успешной легитимации нового строя.

С. Липсет, американский философ и политолог, рассматривает термин “легитимность” в совокупности с термином “эффективность” [6, с. 203-220]. Легитимность – это способность системы формировать и поддерживать веру в то, что существующие политические институты лучше всего подходят для данного общества (ученый упрощает понимание легитимности, трактуя ее как идеологию). Эффективность означает фактическую деятельность, ту степень удовлетворительности, с которой система выполняет основные функции государственного управления - как их понимают большинство населения и влиятельные группы (армия, круги, весомые в экономике). Если говорить кратко, то эффективность инструментальна, а легитимность носит оценочный характер и связана с культурными основаниями государства. Для приобретения легитимности новая система на протяжении долгого времени должна оправдать ожидания главных групп населения на основе “эффективности”.

Государства, избравшие для себя демократический путь, приобретают легитимность с помощью наглядно демонстрируемой эффективности. Поясним эту мысль: соблюдая демократические принципы, почти невозможно организовать общество вокруг одной идеи и придать легитимность власти исключительно благодаря авторитету идеи, путем построения разветвленной системы идеологии и используя харизму лидера. Даже если подобная идея будет синтезирована (что маловероятно), то принцип эффективности власти не утратит своей

актуальности ни на йоту. Ведь что является самым главным достижением демократии? – Высокий уровень жизни всех слоев населения. Поэтому неизбежен кризис, присущий всем странам молодой демократии. Он проявляется в том, что потребности и желания граждан несоизмеримы с тем уровнем жизни, который они имеют в своей стране сейчас и будут иметь еще длительное время.

Несмотря на то, что сегодня экономические блага играют большую роль, чем когда-либо в истории, часто государственные чиновники пытаются укрепить легитимность власти через повышение *национального престижа страны*. Эта задача реализуется как через акцентуацию СМИ на национальных корнях и истории, так и через повышение престижа страны на мировой арене, путем новых научных разработок, спортивных достижений и даже демонстрации военного могущества, через вмешательство в дела других государств. Другими словами, власть пытается создать новый политический миф, идеологию. Без этого не осуществилось ни одно обоснование власти. Власть может восстановить пошатнувшийся авторитет путем внутренних перестановок или допустив некоторых влиятельных представителей оппозиции к руководству страной.

Рассмотрим значимость в переходный период таких влиятельных социальных групп, как интеллигенция, армия, церковь, и особое внимание уделим праву.

Интеллигенция играет существенную роль в процессе легитимации, ибо она способствует обоснованию новой власти как внутри страны, так и за ее пределами благодаря поддержке видных ученых, деятелей культуры. Более того, представители интеллигенции работают преимущественно в сфере образования нового поколения, поэтому поддержка интеллигенции – мощное подспорье в формировании нового.

Когда преодолевается минимальная критическая точка легитимности – происходит социальный взрыв, и в действие вступает самый сильный аппарат, используемый властью, – *армия*. В Конституции каждой страны отмечено, что военные должны полностью подчиняться указаниям законно избранного представителя власти, поддерживать порядок в стране, таким образом, мы видим, что институционально закреплено поведение военных в подобной ситуации. Военные имеют сплоченную внутреннюю организацию, чувство групповой лояльности, авторитетную власть и высокую степень идентификации. Всякая военная организация изобилует символикой: знамя, устав, форма, акт принятия присяги – клятва на верность Родине и правительству – все это призвано повлиять не только на разум, но и на чувства, вызвать большие переживания. Но что самое главное – армия имеет средства для быстрого свержения правительства. Не стоит забывать, что суд военного трибунала гораздо строже, чем обыкновенный гражданский суд: уличенных в попытке государственного переворота военных судят гораздо строже, чем обычных граждан. Политическая власть все время стремится удерживать армию в повиновении. Признание военными гражданской власти является неотъемлемой составной частью понятия “легитимность”. Естественно, там, где легитимность слабая, запрет на вмешательство военных в политику тоже будет слабым, и исход революции во многом зависит от того, кого поддерживает армия.

Роль религии в легитимации нового строя не может быть отражена однозначно. Церковь часто может выступать одним из тех институтов, против которого направлена революция, тогда она сама становится нелегитимна. Или наоборот, вера может быть использована для быстреего обоснования власти и утверждения нового строя, если революция проходит под флагом возрождения религиозности или как освободительная революция от власти иноверцев. Ясно одно, в XX веке нельзя говорить о церкви как самоцели революции, ее власть секуляризирована, поэтому она не может быть мощным источником легитимации.

Наилучшим способом избежать политических трений явилась бы легализация основных структурных изменений при сохранении традиционной легитимности политических институтов. О соотношении *права* и *легитимности* ведутся многочисленные дебаты, наилучшим образом их можно охарактеризовать только в сравнении. Легальность – юридически нормативное придание законности власти. Легитимность – “эмпирическая” узаконенность власти, связываемая с фактической значимостью для людей данного социального порядка. Легальное узаконение власти возможно только при легально-рациональном или традиционном типе государственного строя. Он покоится на вере людей в правильность и справедливость, гарантом последней и выступает право. Поэтому Л. Мэхью [8, с.228] определяет легальность как установление процедурной справедливости и нормативно регулируемых решений.

Отношения власти, права и социальных групп представляют большой интерес. Собственно, власть преодолевается не правом, а легитимностью (К. Ясперс) [11, с. 134-144], – это следует из того обстоятельства, что *право – всегда оружие власти*. Закон выступает как способ воплощения идеи государственного строя и является фундаментальной категорией государственного суверенитета. В законодательных актах, прежде всего в Конституции, сформулированы общие цели, задачи общества, обоснованы стремления и сконструированы модели общественного бытия. Зачастую основной закон страны содержит расплывчатые рамки политической власти, предоставляя ей тем самым возможность действовать по своему усмотрению в чрезвычайных ситуациях. Объяснение этому приводится одно: реальная политическая жизнь богаче прописанных в законе ситуаций. Мы видим, что политическая власть создает закон и управляет

им. Она больше закона.

Отношение граждан к праву – важный показатель легитимности. Право и легитимность в своем стремлении имеют общую цель – стабильность общества, но почти никогда не пребывают в гармонии друг с другом, ибо используют различные средства. Поясним: право почти всегда инородно массам, ведь оно исходит от власти. Оно либо “застревает” в прошлом, либо “глаголет” о будущем. У власти существуют вечные проблемы с тем, чтобы правильно оценить происходящее в стране без ссылок на бремя прошлых проблем или заверений о будущем благополучии граждан, лишая тем самым право народного доверия, т.е. легитимности. Это еще более усугубляют несогласованность между собой отдельных элементов законодательства Конституции, частое отсутствие связи между конституционной нормой и юридической практикой.

В отличие от права, легитимность, имеющая другой источник, более подвижна и пластична. Она может быть оценкой власти, мандатом на будущие действия, законодательным пониманием их содержания, верой, доверенностью на принятие решений и проведение их в жизнь. При кажущейся непересекаемости право и легитимность могут находиться в самых разных отношениях – от легитимности самого права до конфликта между ними. Право, воплощенное в сеть государственных институтов, теряет легитимность вместе с системой правления. Право не может отмежеваться от строя, поэтому оно, естественно, отстает от реформ более подвижных общественных институтов. С другой стороны, эта пассивность права гарантирует стабильный, практически не меняющийся набор моральных и правовых норм. Возможно, судебная система является самой инертной из всех.

Общая тенденция, прокладывая себе путь повсеместно, состоит в том, что сегодня легитимность оказывается сильнее закона, даже если последний опирается на силовые структуры государства (армия, полиция). Конечно, подобная ситуация является иллюстрацией предреволюционного положения, когда потребность демократического действия опережает процесс создания законодательной базы для этого действия.

Отношения демократической законности и легитимности могут складываться и таким образом, что сам закон станет легитимен. В. Брандт говорил, что “социальная справедливость – это оплата легитимности власти в демократическом обществе наших дней” [3, с. 143]. Легитимность (в данном случае это понятие включает и организацию: прессу, общественные организации и движения) демонстрирует уровень доверия к видимой власти, часто не зная, чем или кем на самом деле вызвано принятие того или иного решения. Открытые механизмы власти (парламент, президент, кабинет министров) подвержены легитимности, именно об их решениях и действиях составляет собственное мнение обыватель. На деле их власть является результатом множества сил самой разной природы, основная из них – бюрократия. Право санкционирует деятельность бюрократических организаций, а они способствуют его практической реализации.

Мы не ставили своей задачей проанализировать поведение и ожидание всех социальных групп в революционной ситуации. Нам хотелось выяснить, как ведет себя институт права, основной легализирующий власть орган в переходный период, как он соотносится с легитимацией, т.е. изменением представлений о власти. Стабильность, возможно, даже некоторая инертность, позволяет праву оставаться без изменений в периоды корреляций или незначительных изменений системы общества. Революционная ситуация предъявляет праву особые требования: если в правовом акте (Конституции) не предусмотрен механизм мирного пути выхода на политическую арену новой элиты, то право в подобной форме утрачивает основания для дальнейшего своего существования.

С другой стороны, нелегитимность права можно преодолеть волей политического лидера, стоящего у власти в переломный период, и тогда политический конфликт разрешится мирным путем. Если новая политическая элита получает власть в стране мирно, то ее главными задачами являются:

- сотрудничество с отстраненной от управления элитой;
- реализация ожиданий основных социально-активных групп, на чью помощь и поддержку они опирались;
- создание заинтересованности у остальных социальных групп в данном политическом образовании (разработка идеологии);
- выработка новых идентификационных связей (или воссоздание старых, неактивных в предыдущей политической эпохе);
- доказательство преимуществ нового строя на основе эффективности.

Подобным образом разворачивались события в начале 90-х годов XX века на территории Восточной Европы. Преимущество элит состоялась, были разработаны демократические конституции и провозглашено проведение рыночных реформ. Уровень эффективности новой системы постепенно растет. Новые идентификационные связи создавались достаточно трудно (общественное сознание тяжело перестраивается), но период реставрации сопутствовал этому процессу. Главная ошибка была допущена многими вновь образующимися государствами в сфере идеологии: интересы социальных групп были актуализированы на идеях сепаратизма и

национализма. Создание новой идеологической системы, в центре которой находятся национальная идентичность, а социально-правовые гарантии игнорируются, было существенной ошибкой, которая повлекла межнациональные и религиозные конфликты, переросшие к середине 90-х в локальные войны.

Литература

1. Алексеева Т.А. Личность и политика в переходный период: проблемы легитимности власти. // Вопросы философии. - 1999.- №7.
2. Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1991.
3. Гаджиев К.С. Политическая идеология: концептуальный аспект // Вопросы философии.- 1998. - №12.
4. Легальность и легитимность власти. Круглый стол в МГУ // Полис. - 1994. - №2.
5. Липсет С. Политическая социология. Социология сегодня. Проблемы и перспективы. - М., 1965.
6. Липсет С. Политическая социология. Американская социология. - М., 1972 .
7. Макаренко В.П. Концепция власти в политической социологии М. Вебера // Советское государство и право. - 1985. - №5.
8. Мехью Л. Социология права // Американская социология. - М., 1972.
9. Московичи С. Век толп. - М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.
10. Панарин А.С. Философия политики. - М.: Новая школа, 1996.
11. Шпакова Р.П. Легитимность политической власти: Вебер и современность // Советское государство и право. - 1990. - №3.
12. Шпакова Р.П. Легитимность и демократия. Уроки М. Вебера // Полис.- 1994. - №2.
13. Щербина Н.С. Политика и миф. // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. - 1998. - №2.
14. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. - М.: Наука, 1992.